

7. Лихачев Д.С., Левин Ю.Д. Конкретное литературоведение и труды М.П. Алексеева: [1896–1981, историка и теоретика лит., комментатора, специалиста в обл. междунар. связей рус. лит. и культуры] // Россия, Запад, Восток: встречные течения: к 100-летию со дня рождения акад. М. П. Алексеева. СПб., 1996. С. 46–52.

8. Лихачев Д. С. О конкретном литературоведении. Вместо предисловия // Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература. Л., 1984. С. 4–10.

9. Лихачев Д.С. О точности литературоведения // Литературные направления и стили. М., 1976. С. 14–17.

10. Лихачев Д.С. Принцип историзма в изучении единства содержания и формы литературного произведения // Вопросы методологии литературоведения. М.; Л., 1966. С. 142–169. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/0351_Princip_istorisma_1966.pdf

11. Попов В.Г. Дмитрий Лихачев. М., 2013. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/popov-valerij-georgievich/dmitrij-lihachev>.

12. Федотова М.А. Литература – реальность – литература. Л., 1981. URL: http://likhachev.lfond.spb.ru/Monogr/liter_real_liter.htm

13. Хроленко А.Т. Основы современной филологии. М., 2013. С. 233.

References

1. Adrianova-Peret V. P., Salmina M. A. *Lihachev Dmitrii Sergeevich* (1906–1999). Institut russkoi literatury (Pushkinskii Dom) RAN. URL: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=126>

2. *Akademik Dmitrii Sergeevich Lihachev* (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya). URL: <http://www.imli.ru/info/show/Stati-biografii-sotrudnikov/akademik-dmitrij-sergeevich-lihachev---k-100-letiyu-so-dnya-rozhdeniya/>

3. Alekseev M.P. Russko-angliiskie literaturnye svyazi (XVIII vek – pervaya polovina XIX veka) [Russian-English literary contacts (the 18th century – the first half of the 19th century)]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary inheritance]. Moscow, 1982, T. 91, p. 12.

4. Lazarchuk R.M. Vvedenie [Introduction] *K.N. Batyushkov i Vologodskii kraj. Iz arhivnykh razyskaniy* [K.N. Batyushkov and Vologda area. From archival research]. Cherepovec, 2007. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/laza/rch/ukr/1.htm>

5. Lazarchuk R.M. *Literaturnaya i teatral'naya Vologda 1770–1800-h godov. Iz arhivnykh razyskaniy* [Literature and theatrical Vologda of the 1770–1800th: From archival research]. Vologda, 1999.

6. Lihachev D.S. Eshche o tochnosti literaturovedeniya [About literary criticism accuracy]. *Lihachev D.S. O filologii* [About philology]. Moscow, 1989, pp. 27–30.

7. Lihachev D.S., Levin Yu.D. Konkretnoe literaturovedenie i trudy M.P. Alekseeva: [1896–1981, istorika i teoretika lit., kommentatora, specialista v obl. mezhdunar. svyazei rus. lit. i kultury] [Concrete literary criticism and M.P. Alekseev's works: [1896–1981, historian and theorist of lit., the commentator, the expert in the international ties of Russian lit. and cultures]. *Rossiya, Zapad, Vostok: vstrechnye techeniya: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya akad. M. P. Alekseeva* [Russia, West, East: cross-currents: to the 100 anniversary of the academician M. P. Alekseev]. St. Petersburg, 1996, pp. 46–52.

8. Lihachev D. S. O konkretnom literaturovedenii. Vmes-to predisloviya [About concrete literary criticism. Instead of the preface]. *Lihachev D.S. Literatura – real'nost' – literatura* [Literature – reality – literature]. Leningrad, 1984, pp. 4–10.

9. Lihachev D.S. O tochnosti literaturovedeniya [About literary criticism accuracy]. *Literaturnye napravleniya i stili* [Literary schools and styles]. Moscow, 1976, pp. 14–17.

10. Lihachev D.S. Princip istorizma v izuchenii edinstva soderzhaniya i formy literaturnogo proizvedeniya [The principle of historicism in studying of unity of contents and form of the literary work]. *Voprosy metodologii literaturovedeniya* [Literary criticism methodology questions]. Moscow; Leningrad, 1966, pp. 142–169. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/0351_Princip_istorisma_1966.pdf

11. Popov V.G. *Dmitrii Lihachev*. M., 2013. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/popov-valerij-georgievich/dmitrij-lihachev>.

12. Fedotova M.A. *Literatura – real'nost' – literatura* [Literature – reality – literature]. Leningrad, 1981. URL: http://likhachev.lfond.spb.ru/Monogr/liter_real_liter.htm

13. Hrolenko A.T. *Osnovy sovremennoi filologii* [Fundamentals of modern philology]. Moscow, 2013, p. 233.

УДК 8209

М.Ю. Трубицына

Череповецкий государственный университет

АСКЕТИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ В ТВОРЧЕСТВЕ Б.К. ЗАЙЦЕВА И М.В. НЕСТЕРОВА

Статья посвящена актуальной проблеме обнаружения взаимосвязей литературы и живописи. В центре художественного анализа творчество писателя-эмигранта Б.К. Зайцева и художника М.В. Нестерова. Пейзаж в творчестве Зайцева и Нестерова – важная часть в раскрытии авторской концепции. Зайцев и Нестеров соединяют особенности реалистического искусства и элементы иконописи и передают через мотивы светоносности, тишины, прозрачности аскетизм северного русского пейзажа.

Литература русского зарубежья, пейзаж, аскетизм, мотив, иконопись, духовный реализм.

The article deals with interrelationship between literature and painting. Works of immigrant writer B.K. Zaitsev and painter M.V. Nesterov are analyzed. The landscape in their works is important to reveal the authors' concept. Zaitsev and Nesterov combine features of representationism and icon-painting and convey the austerity of the Northern landscape with the help of the motifs of light, peace and clarity.

Literature of Russian emigre community, landscape, austerity, motif, icon-painting, spiritual realism.

Введение

Литературоведческий анализ произведения на современном этапе развития филологии предполагает интеграцию гуманитарных дисциплин: филологии, истории, богословия, искусства. Одной из актуальных проблем научных исследований является выявление общих подходов к изображению мира и человека в литературе и живописи. Личностный и культурный диалог Н.В. Гоголя и А.А. Иванова, А.П. Чехова и И.И. Левитана, Б.К. Зайцева и М.В. Нестерова, И.С. Шмелева и Б.М. Кустодиева помогает обнаружить параллели в их художественных исканиях.

Основная часть

Открытие глубоко индивидуальной творческой манеры писателя-эмигранта Б.К. Зайцева и художника М.В. Нестерова определилось их приближением к идеалу христианского святого – преподобного Сергия Радонежского. Сенсацией XVIII выставки Товарищества передвижников в 1890 г. стала картина «Видение отроку Варфоломею», открывшая галерею работ, посвященных преподобному Сергию («Юность преподобного Сергия», триптих «Труды преподобного Сергия»). Для него преподобный Сергий – «лучший человек древних лет Руси» [2, с. 8]. Образ преподобного Сергия продолжал волновать Нестерова на протяжении всей жизни: «Жить буду не я. Жить будет «Отрок Варфоломей». Вот если через тридцать, через пятьдесят лет после моей смерти он еще будет что-то говорить людям, значит он живой, значит, жив и я» [Цит. по: 1, с. 82].

Все позднее творчество писателя-эмигранта Б. Зайцева восходит к небольшой повести «Преподобный Сергий Радонежский» (1925). Лик святого в повести раскрывается через икону и характерные черты русской природы: «Отделяют пятьсот лет. О, если бы его увидеть, слышать. Думается, он ничем бы сразу и не поразил. Негромкий голос, тихие движения, лицо покойное, святого плотника, великорусского. Такой он даже на иконе – через всю ее условность – образ невидного и обаятельного в задушевности своей пейзажа русского, русской души. В нем наши ржи и васильки, березы и зеркальность вод, ласточки и кресты и несравнимое ни с чем благоухание России. Все возведенное к предельной легкости, чистоте» [3, с. 43].

В августе 1935 года Б.К. Зайцев и его жена В.А. Зайцева совершили паломничество на остров Валаам, где провели девять дней. Путевой очерк «Валаам» был написан Зайцевым в 1936 г. после возвращения из этой поездки. В исторических экскурсах, встречах героя-рассказчика с современными подвижниками, в глубоко лирических, исполненных поэзии пейзажах раскрывается неповторимый образ Валаамского Спасо-Преображенского монастыря.

В путевом очерке «Валаам», описывая странствие по скитам, в лесной часовенке преподобного Сергия автору, как он пишет, «довелось еще раз как бы встретить Преподобного». Дикий, глухой лес, ветхая, уютная, намоленная часовенка, к которой вполне могли бы подходить медведи Радонежа, – окружающий мир пробуждает воспоминания, и автор понимает, что его зрелые произведения содержат тень

преп. Сергия, отражение его жизненной идеи и национального характера: «Вот он святой Сергий! Более десяти лет назад в глухом предместье парижском дал он мне счастье нескольких месяцев погружения в его жизнь, в далекие века родины, страдавшей от татар, усобиц, унижений... – и над всей малой жизнью русского писателя вне родины, оплодотворяя, меняя ее, давая новые мотивы, стоял его облик» [3, с. 175]. Зайцев делает вывод, что «крестьянский, «труднический» и лесной дух Валаама максимально близок духу Преподобного!» [3, с. 175].

По мнению критика русского зарубежья Г.В. Адамовича, «Валаам» – «это одна из тех книг, в которых есть «ключ» к творческому методу Б. Зайцева. [3, с. 454]. Г. Адамович обратил внимание на то, что «по самому характеру своего слога, по ритму своего творчества Зайцев в описании далекого уединенного северного монастыря оказался в сфере, его вдохновляющей. Никто другой не нашел бы таких слов, таких эпитетов, создающих иллюзию, будто окружает человека не живой, крепкий суетный мир. А какой-то легчайший туман, вот-вот готовый рассеяться» [3, с. 454].

В статье Г.В. Адамовича прозвучало высказывание, что эстетический подход Б. Зайцева в изображении монастыря можно сравнить с художественной манерой Нестерова: «Благочестивый и мечтательный путешественник зовет нас насладиться покоем, полюбоваться древней прекрасной скудостью быта, помыслить о вечном. <...> никогда никакой поэзии животных радостей, буйной, яркой и плотоядной, не совладать с этим безмолвием, с этими соснами и закатами, никогда перед ними на устоять!» [3, с. 454].

В путевом очерке «Валаам» Б. Зайцев неслучайно упоминает одну из картин Нестерова: «Отец Николай ведет показывать свою деревянную церковь. Он всем своим видом как бы извиняется за то, что существует. В этой последней скромности его есть даже и таинственное. Семидесятилетний старичок, точно сошедший с нестеровской картины («Схимник у озера»), но вот такой тихий и особенный, что сядет он в лодку – лодка сама и поплывет. Зайцы придут кормиться из его рук, ласточка сядет на рукав. Может быть, он идет, а может быть, и уйдет туда, за церковь, растет в лесу» [3, с. 167].

Пейзаж в творчестве Зайцева и Нестерова – не фон, а важная часть в раскрытии авторской концепции. И Нестерова, и Зайцева влечет «север духа» – аскетизм в его простоте, смирении, далекий от мудрствования и надрыва. Северная природа вызывает вдохновение, она проповедует бесстрастие, чистоту, скромность. Нестеров совершил поездку на Соловки (1903), Зайцев – на Валаам (1935). Дух монашеской пустынной жизни отвечал их внутренним устремлениям. Творчество Нестерова прошло под знаком «тихой обители» и он говорил о себе так: «Я избегал изображать так называемые сильные страсти, предпочитая им наш тихий пейзаж, человека, живущего внутренней жизнью» [1, с. 50]. Под впечатлением посещения Соловецкого монастыря была написана одна из лучших нестеровских картин «Молчание» (1903). Главное в картине – единство поэтического настроения людей и пейзажа. Таинственный свет

белой ночи. Неподвижные воды залива. Словно эхо, повторяют друг друга фигурки монахов в лодках, старца и юноши. Монахи находятся на некотором расстоянии друг от друга, и это расстояние становится у Нестерова пространством молитвы и тишины. По свидетельству В. Розанова, Нестеров «вынул из сердца русского человека молитву <...> и облек ее в краски исторические». [Цит. по: 2, с. 46]. В картине присутствует тема двойничества, которая раскроется на других полотнах Нестерова («Под благовест», «Два лада», «Философы»). Почти буквальное повторение силуэтов монахов используется как ритм в музыке.

Художник создает свой тип пейзажа, получивший название «нестеровского». Обращаясь чаще всего к северной природе или природе средней полосы России, неброской, лишенной изобилия, он отбирает определенные ее приметы, повторяя, варьируя их на многих своих картинах. Незыблемые составляющие нестеровского пейзажа – юные тонкие деревца: преувеличенно вытянутые белоствольные березки, пушистые сосенки, рябины с красными гроздьями ягод и резной листвой, вербы с пушистыми сережками. Каждое из них портретно, наделено собственной душой.

Нестеров предпочитает самые лирические и одухотворенные времена года – раннюю весну, осень с ее прозрачным и особым светом. Среди времен дня он выбирает наиболее эгегические – ранние сумерки, вечернюю или утреннюю зарю.

В своем творческом поиске художник пытается соединить особенности реалистического искусства с теми задачами, которые доступны иконописи. Нестеров сумел добиться органического слияния элементов иконы с пейзажем. Так, кротость, чистоту, прозрачность души убиенного царевича Димитрия и победу жизни вечной передают нежные светлые краски утреннего весеннего пейзажа.

Б. Зайцева привлекает внутренняя, духовная и поэтическая сторона Валаама. Зайцев не говорит о ней прямо, она открывается как отклик в душе читателя на те картины, которые рисует автор. По мнению А.М. Любомудрова, метод писателя – активизация читательского сознания и сердца, погружение в состояние тихого созерцания [4].

Дух монашеского уединения, мирного устройства пронизывает валаамские пейзажи, находит отклик в душах паломников: «Смотрели на Ладогу, прямо перед нами простершуюся, *нежно-голубую, со светлыми струями*, с туманным дальним берегом – *мягкая линия холмов. Тишина, пустыньность*. Та *тишина и та пустыньность*, что дают особый, неизвестный в других местах мир. Это мир *благообразного и святого мира*, раскинувшегося вокруг, отблеск *зеркальности* Ладоги, сумеречного *благоухания* пустыньки и всей *бесконечной ясности* неба. Слабо позвякивают колокольцы стада – *кроткой нотой*». [3, с. 173] (Выделено мной. – М.Т.).

За счет повторяющихся деталей так же, как и Нестеров, Б. Зайцев отразил светоносность, тишину,

чистоту, прозрачность окружающего пространства: «серебро пролива» [3, с. 165], «Ладога тихим серебром посверкивает» [3, с. 161], «можно любоваться на серебристую Ладогу» [3, с. 176]; «в прозрачном вечере» [3, с. 166], «воздух – кристалл» [3, с. 185]; «мягкая линия холмов, мягкие синеющие холмы» [3, с. 192]; «стеклянная вода, стеклянные струи» [3, с. 165]. Ладога «нежно-голубая, со светлыми струями, зеркальность Ладоги» [3, с. 173]; «райская тишина» [3, с. 158], «в благоухании вечера наступающего, в тишине, благообразии святых мест» [3, с. 166]; «солнце, сквозь сосны тепло и мирно берет лучами этих двух старцев» [3, с. 159]; «солнце мирно золотило Ладогу» [3, с. 161].

Человек и природа у Зайцева объединены возвышенным молитвенным созерцанием: «Очаровательны такие монастырские дороги – на Афоне ли, на Валааме, – меж лесов, в благоухании вечера наступающего, в тишине, благообразии святых мест. Незаметно будто бы, но нечто входит и овладевает путником» [3, с. 166].

Выводы

У Зайцева и Нестерова преобладает северный тип пейзажа – вечернее состояние природы, совпадает колористическое решение (многообразие оттенков серебристого, светлого, нежно-голубого).

Различными художественными средствами Б.К. Зайцев и М.В. Нестеров стремятся к единой цели: передать возвышенную гармонию человека через аскетизм тихого русского пейзажа. Образ божественного мира сквозит в духовном реализме Б.К. Зайцева и на полотнах М.В. Нестерова.

Литература

1. Волошина И. «Жить буду не я. Жить будет «Отрок Варфоломей». Михаил Нестеров: завещание художника // Фома. 2015. №6.
2. Гусарова А. Мастера живописи. Нестеров. М., 2000.
3. Зайцев Б.К. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 7 (доп.). М., 2000.
4. Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. СПб., 2003.

References

1. Voloshina I. «Zhit' budu ne ya. Zhit' budet «Otrok Varfolomei». Mihail Nesterov: zaveshchaniye hudozhnika ["It is not me who will live. "The lad Bartholomew" will. Mikhail Nesterov: the will of the artist]. Foma, 2015, №6.
2. Gusarova A. *Mastera zhivopisi. Nesterov* [Masters of painting. Nesterov]. Moscow, 2000.
3. Zaicev B.K. *Sobranie sochinenii: v 5 t. T. 7 (dop.)* [Collected works]. Moscow, 2000.
4. Lyubomudrov A.M. *Duhovnyi realizm v literature russkogo zarubezh'ya: B.K. Zaicev, I.S. Shmelev* [The spiritual realism in Russian literature abroad: B.K. Zaitsev, I.S. Shmelev]. St. Petersburg, 2003.